

R 458 / 49

Р 5710

Р 458 / 4680a

ЧТО ТАКОЕ

КОРАНЪ?

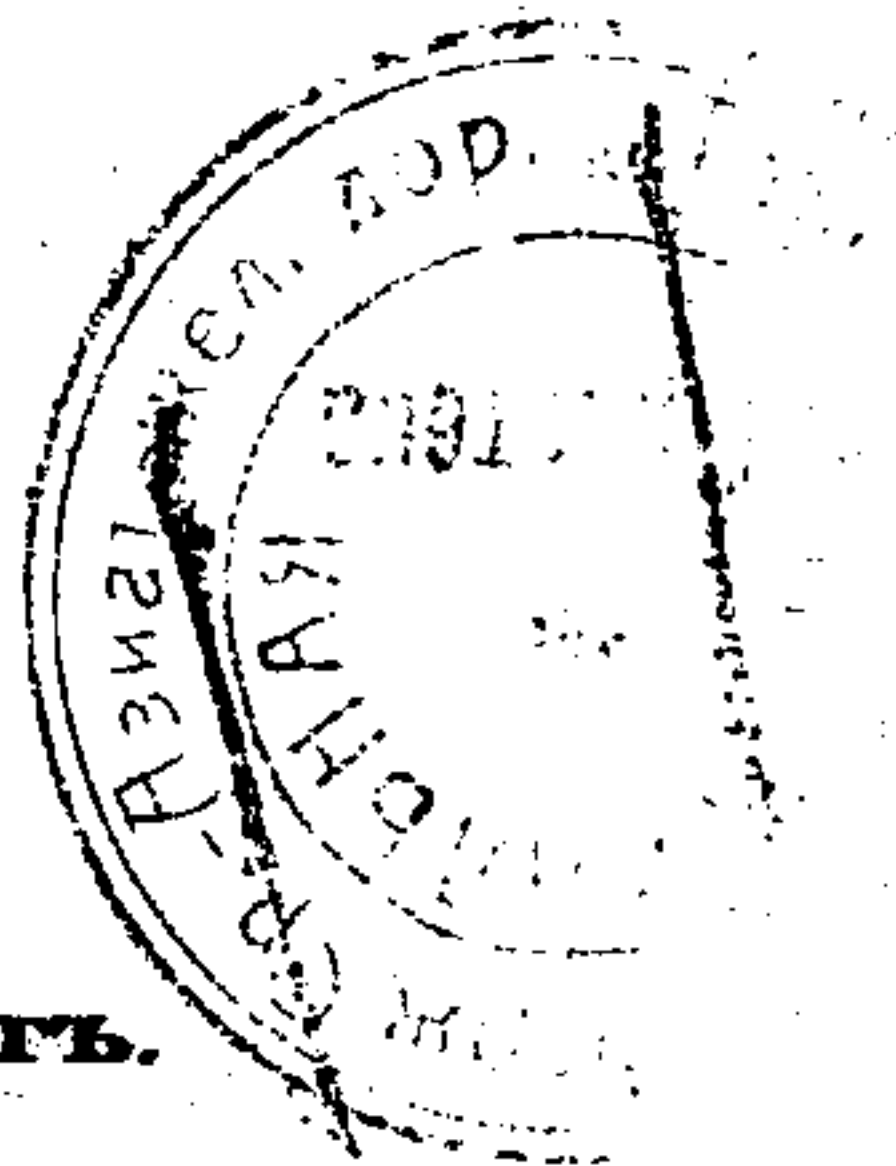
Н. Остроумова.

**По поводу статей Г.г. Гаспринска-
го, Девлетъ - Бильдеева и Мурзы-
Алима.**

Ташкентъ.

Типографія, арендуемая О. В. Базилевскимъ.

1883.

Перепечатано изъ №№ 1—10 „Туркестанскихъ
Вѣдомостей“ за 1883 годъ.

4544-81

2007096192

Автору настоящей статьи представляется излишнимъ объяснять подробно читателю, почему имъ выбрана такая тема. Кому изъ насъ, русскихъ жителей Туркестана, не приходилось невольно задавать себѣ вопросъ, поставленный въ началѣ статьи? И многіе ли изъ насъ могутъ сказать съ увѣренностію, что отвѣтъ на этотъ вопросъ имъ извѣстенъ? А между тѣмъ намъ, правителямъ такой обширной мусульманской страны, безусловно необходимо, имѣть ясный, точный и отчетливый отвѣтъ на вопросъ: „*Что такое коранъ?*“.... Вотъ почему авторъ печатаемой статьи позволяетъ себѣ сдѣлать попытку отвѣчать на этотъ серьезный и важный вопросъ ⁽¹⁾.

„*Коранъ*“ — слово арабское и служить названіемъ религіозно-законодательнаго кодек-

(1) Серьезность и важность этого вопроса, особенно для насъ, русскихъ, будетъ постепенно открываться изъ содержанія статьи.

са мусульманъ, хотя не только съ точно-
стію, но и приблизительно не указываетъ
на содержаніе этого кодекса. На мусульман-
скомъ востокѣ, какъ и вообще на востокѣ,
до настоящаго времени, а тѣмъ болѣе въ
древнее время, книгамъ весьма рѣдко дава-
лись точныя названія, опредѣленно указы-
вающія на ихъ содержаніе, какъ это дѣлает-
ся у западныхъ народовъ, въ Европѣ. У
восточныхъ народовъ заглавія книгъ или от-
личаются изысканностью и вычурностію, или
же бываютъ до такой степени просты и об-
щи, что въ обоихъ случаяхъ, по такимъ за-
главіямъ, бываетъ трудно и даже невозмож-
но составить болѣе или менѣе точное пред-
ставленіе о содержаніи книгъ. Въ самомъ
дѣлѣ, мы привыкли соединять съ выраже-
ніемъ „коранъ“ представленіе объ основномъ
религіозно-законодательномъ кодексѣ мусуль-
манъ, подобно тому, какъ подъ именемъ
„Библии“ мы всегда разумѣемъ всѣ священ-
ныя книги ветхаго и новаго завѣтовъ, хотя
приведенныя названія не указываютъ опре-
дѣленно на содержаніе этихъ кодексовъ.
Греческое выраженіе „Библиа“, въ букваль-
номъ своемъ значеніи, можетъ быть прило-
жено къ каждому литературному сборнику,
состоящему изъ нѣсколькихъ отдѣльных со-
чиненій или книгъ, имѣющихъ одну цѣль,
одно назначеніе, хотя-бы содержаніе каж-
дой отдѣльной книги было отлично отъ со-

держанія прочихъ книгъ. Но названіе „*Библія*“ освящено временемъ и употребленіемъ, и мы всегда соединяемъ съ этимъ названіемъ извѣстное, строго опредѣленное представленіе, какъ о сборникѣ священно-историческихъ, законодательныхъ и пророческихъ книгъ евреевъ. Точно также и арабское выраженіе „*коранъ*“, съ равнымъ правомъ, можно придать любой книгѣ, любому сочиненію, назначенному для чтенія, такъ какъ это выраженіе означаетъ буквально *чтеніе*, происходя отъ арабскаго глагола „*караа*“ — *читать*. Но время и употребленіе установили за этимъ выраженіемъ тотъ смыслъ, какой приданъ былъ ему еще Мухаммедомъ, какъ религіозно - законодательному кодексу мусульманъ, и не только по отношенію ко всей этой книгѣ, но и по отношенію къ каждой отдѣльной ея части (¹). Почему-же такое слишкомъ общее названіе придано было книгѣ, столь выдающейся изъ ряда обыкновенныхъ книгъ? — Потому, что оно было въ духѣ арабовъ и потому, что Мухаммедъ, называя свои проповѣди „*кораномъ*“ (²), хотѣлъ подражать современнымъ ему евреямъ, которые называли свои священныя книги и отдѣльныя ихъ части „*микра*“, т. е. *чтеніе*

(¹) Коранъ, гл. 10, ст. 16; гл. 15, ст. 1; гл. 17, ст. 47—50; гл. 20, ст. 113.

(²) Коранъ, гл. 56, ст. 76: „Это ученіе есть досточтимый коранъ“.

—выраженіемъ одного корня въ арабскомъ и еврейскомъ, близко родственныхъ между собою языкахъ.

Также обще и неопредѣленно и другое, арабское-же, названіе корана, именно: „*фурканъ*“ или „*аль-фурканъ*“, означающее буквально *отдѣленіе*, различіе, т. е. истины отъ лжи, добра отъ зла. Это названіе придано корану также самимъ Мухаммедомъ ⁽¹⁾ на томъ основаніи, что заключающееся въ немъ ученіе служить руководствомъ для мусульманъ въ области религіи и даетъ имъ возможность *отличать* истинное ученіе о Боѣ отъ ложныхъ ученій, добро отъ зла и т. д.; и придано было корану также изъ подражанія іудеямъ, называвшимъ разные отдѣлы своего писанія выраженіемъ „*перекъ*“, которое, по значенію своему, совершенно тождественно съ приведеннымъ арабскимъ выраженіемъ „*фурканъ*“.

Коранъ называется также писаніемъ (*аль-китабъ*) ниспосланнымъ Богомъ ⁽²⁾, или писаніемъ Божіимъ, въ соотвѣтствіе названію ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ книгъ вы-

⁽¹⁾ Въ гл. 25, ст. 1 корана читаемъ: „Благословенъ тотъ, кто ниспослалъ рабу своему (т. е. Мухаммеду) *фурканъ* для того, чтобы онъ былъ учителемъ мірамъ“. Въ гл. 3, ст. 1, читаемъ: Онъ (т. е. Богъ) прежде ниспослалъ Законъ и Евангеліе въ руководство людямъ, а нынѣ—этотъ *фурканъ*.

⁽²⁾ Коранъ, гл. 6, ст. 92; гл. 2, ст. 1.

раженіемъ „священное писаніе“. Подобно христіанскому выраженію „Слово Божіе“, коранъ называется „кяляму-ллаһи“ ⁽¹⁾, т. е. слово Божіе или же „кяляму - ш - шерифъ“, т. е. благородное, превосходное слово, а также „откровеніемъ Божіимъ“ ⁽²⁾. Коранъ называется еще „превосходнымъ свиткомъ“ (мус-хафу-ш-шерифъ) очевидно, отъ формы матеріала, какую придавали спискамъ книгъ на востокѣ ⁽³⁾.—Кромѣ приведенныхъ, наиболѣе употребительныхъ названій корана и обыкновенно обозначаемыхъ на заглавныхъ листахъ этой книги, ему придаются еще слѣдующія: „Великій, мудрый, славный, досточтимый, чудный, истина, благовѣстіе, милость, врачество сердецъ, руководство на прямой путь, озареніе, драгоцѣнное писаніе, писаніе ясно изложенное, ученіе, ученіе мудрое, увѣщаніе, ученіе Мухаммеду и его народу, судебникъ для арабовъ, ученіе мірамъ“ ⁽⁴⁾. Изъ всѣхъ этихъ названій и эпи-

⁽¹⁾ Коранъ, гл. 2, ст. 70; гл. 9, ст. 6; гл. 48, ст. 15.

⁽²⁾ Коранъ, гл. 21, ст. 46; гл. 53, ст. 4. Въ томъ же смыслѣ употребляется въ коранѣ выраженіе *тяһиль* означающее буквально „ниспосланіе съ неба“ гл. 6, ст. 92; гл. 17, ст. 107; гл. 20, ст. 3, 26, 192; гл. 29, ст. 46; гл. 42, ст. 5; гл. 56, ст. 78; гл. 76, ст. 23.

⁽³⁾ Это названіе, придаваемое корану современными мусульманами, основывается также на текстѣ корана, гдѣ упоминается о свиткахъ корана на небѣ (гл. 80, ст. 13) и на землѣ (гл. 98, ст. 2).

⁽⁴⁾ См. Приложенія къ переводу корана г. Саблукова. Вып. 1, Казань, 1879, ст. 119—120.

тетовъ, придаваемыхъ корану, можно составить о немъ слѣдующее понятіе: „Коранъ есть откровенное слово Божіе Мухаммеду, ниспосланное ему для наученія людей истинному богопочтенію и для руководства ихъ въ жизни и служащее для послѣдователей Мухаммеда закономъ вѣры, дѣятельности и жизни“.

Такимъ образомъ задача корана представляется широкою и даже всеобъемлющею. Выдавая ученіе свое за самое лучшее изъ всѣхъ прежде бывшихъ религіозныхъ ученій, Мухаммедъ говорилъ, что Богъ ничего не опустилъ въ коранѣ, что нѣтъ зерна во мракѣ земли, нѣтъ былинки ни свѣжей, ни сухой, которыя-бы не были обозначены въ этой книгѣ ⁽¹⁾, что въ ней заключается истолкованіе всѣмъ вещамъ ⁽²⁾ и что коранъ, для объясненія всего, ниспосланъ Мухаммеду ⁽³⁾. Соотвѣтственно этому, ученіе корана предлагается съ авторитетомъ непогрѣшимости и съ рѣшительностью, недопускающею возраженій и сомнѣній ⁽⁴⁾. Но такія притязанія корана далеко не оправдываются его ученіемъ: богословіе его не представляетъ ничего самобытнаго и несравненно ниже вет-

⁽¹⁾ Коранъ, гл. 6, ст. 38, 59.

⁽²⁾ Коранъ, гл. 12, ст. 111.

⁽³⁾ Коранъ, гл. 16, ст. 91.

⁽⁴⁾ „Это писаніе — нѣтъ сомнѣнія въ томъ—есть руководство благочестивымъ“, гл. 2, ст. 1.

хозавѣтнаго даже ученія, которому Мухаммедъ болѣе всего слѣдовалъ; нравственное ученіе корана также не оригинально и не возвышается надъ понятіями многихъ, современныхъ Мухаммеду, арабовъ; о научныхъ свѣдѣніяхъ корана не можетъ быть и рѣчи. Авторъ *«Исторіи умственнаго развитія Европы»*, В. Дрэперъ, въ названномъ трудѣ своемъ, даетъ такой отзывъ о коранѣ: » Разсматривая происхожденіе этой книги—косвеннымъ образомъ, будто-бы отъ самаго Бога—мы могли-бы справедливо ожидать, что она превзойдетъ всякія человѣческія произведенія и докажетъ свою истинность и превосходство передъ судомъ человѣческой критики. При нашихъ сужденіяхъ объ этой книгѣ, мы всегда должны помнить, что она признаетъ себя не послѣдовательными откровеніями, данными въ промежутки вѣковъ и по разнымъ случаямъ, но полнымъ произведеніемъ, сообщеннымъ одному человѣку. Мы должны поэтому искать въ ней универсальности, полноты, совершенства. Мы могли-бы ожидать, что она представитъ намъ вѣрные взгляды на природу и положеніе міра, въ которомъ мы живемъ, что будетъ-ли въ ней рѣчь о спиритуальныхъ или матеріальныхъ предметахъ—она пристыдитъ знаменитѣйшія произведенія человеческого генія, какъ великолѣпный механизмъ небесъ и прекрасныя живыя формы

земли превосходятъ суетныя ухищренія человека. Далеко превышая все, что было писано мудрецами Индіи и философами Персіи о предметахъ, стоящихъ въ связи съ происхожденіемъ, природой и судьбами вселенной, достоинство плана и превосходство выраженій этой книги должны-бы соответствовать величію обнимаемыхъ ею предметовъ.

„Мы могли-бы ожидать, что эта книга будетъ говорить съ авторитетомъ и окончательно установить всеобъемлющія задачи, которыя въ теченіи уже столькихъ вѣковъ испытывали умственную силу даровитѣйшихъ людей Азіи и Европы и которыя лежатъ въ основаніи всякой вѣры и всякой философіи; что она опредѣлительно и вполне точнымъ языкомъ скажетъ намъ, что такое Богъ, что такое міръ, что такое душа, и имѣетъ-ли человекъ какой нибудь критеріумъ истины; что она объяснитъ намъ, какъ зло можетъ существовать въ мірѣ, Создатель котораго всемогущъ и вполне благъ; что она откроетъ намъ, въ какихъ случаяхъ людскія дѣла опредѣляются судьбой и въ какихъ свободной волей; что она научитъ насъ, откуда мы пришли, какая цѣль нашего существованія здѣсь и что будетъ съ нами послѣ.

„И такъ какъ книга, имѣющая притязаніе на божественное происхожденіе, необхо-

димо должна убѣждать даже тѣхъ, кто наиболѣе противится принимать ее—такъ, чтобы ея внутренняя очевидность становилась сильнѣе, а не слабѣе при строгомъ изслѣдованіи, которому-бы она подвергалась,—то она должна-бы говорить о вещахъ, которыя могли-бы быть доказаны при усиленіи знанія и человѣческаго генія, предупреждая здѣсь его заключенія. Такое произведеніе, какъ-бы ни было благородно его происхожденіе, должно-бы не отклонять, а призывать пробу натуральной философіи, считая ее не врагомъ своимъ, а своей лучшей поддержкой. Съ теченіемъ лѣтъ и по мѣрѣ того, какъ человѣческое знаніе становится болѣе точнымъ и болѣе всеобъемлющимъ, ея заключенія должны-бы совпадать съ этимъ знаніемъ. Когда представляется случай, она должна доставить намъ по крайней мѣрѣ признакъ великихъ истинъ, открываемыхъ астрономіей и геологіей, не представляя вмѣсто нихъ необузданныхъ фантазій древнихъ вѣковъ, выдумокъ человѣческаго дѣтства ... Относительно человѣка, она должна указать его отношенія къ другимъ живущимъ существамъ, его мѣсто между ними, его преимущества и его обязанности. Она не должна оставлять его искать ощупью своей дороги по слѣдамъ греческой философіи и въ концѣ концовъ не попасть на истину; но должна научить его, въ чемъ за-

ключается истинное знаніе, предупреждать физическую науку, физическую силу и физическое благосостояніе нашего собственнаго времени, даже раскрывать для нашего благополучія вещи, которыхъ мы еще не знаемъ теперь. Указаніе этихъ, столь многихъ и столь высокихъ предметовъ, не выходитъ за предѣлы книги, представляющей такія притязанія. Ея взглядъ на эти предметы есть единственный критеріумъ, который она можетъ представить относительно своего авторитета для послѣдующихъ временъ.

„Если судить коранъ съ этой точки зрѣнія, онъ совершенно не выдерживаетъ критики. По своей философіи онъ несравненно ниже сочиненій Шакья-Муни, основателя буддизма; по своимъ научнымъ свѣдѣніямъ онъ абсолютно лишенъ всякаго значенія. Относительно спекулятивныхъ и сомнительныхъ вещей онъ довольно изобилуетъ; но относительно точныхъ, гдѣ къ нему можетъ быть приложенъ пробный камень, онъ оказывается совершенно несостоятельнымъ. Его астрономія, космогонія, фізіологія — такіа дѣтскія, что способны вызвать смѣхъ. Они принадлежатъ къ младенческимъ временамъ человѣческаго знанія. Земля плотно держится на своемъ мѣстѣ тяжестью горъ; небо покрываетъ ее, какъ сводъ, и коранъ поучаетъ насъ о мудрости и могуществѣ Бога

тѣмъ, что предлагаетъ найти въ этомъ сводѣ трещину, если мы только можемъ. Небо раздѣлено на семь этажей, и верхній изъ нихъ есть жилище Бога, престолъ котораго, по словамъ корана, еще не отвергающаго ассирійскихъ представленій, поддерживается крылатыми животными. Падающія звѣзды суть раскаленные до красна камни, бросаемые ангелами въ демоновъ, когда они подходятъ слишкомъ близко. Бога коранъ окружаетъ восхваленіями, изображая Его величіе часто нелишенными достоинства образами. Хотя онъ горько укоряетъ тѣхъ, кто даетъ Богу какихъ-нибудь другихъ равныхъ, и хотя онъ увѣряетъ, что грѣхъ такихъ людей никогда не простится, что въ день суда они должны будутъ отвѣтить на страшный вопросъ: „гдѣ же мои товарищи, о которыхъ вы спорили?“, хотя онъ настаиваетъ на абсолютной зависимости отъ Божія милосердія и обвиняетъ тѣхъ, кто дѣлаетъ изъ религіи предметъ торговли—его понятія о Богѣ совершенно антропоморфическія. Это просто человѣкъ гигантъ, живущій въ раю. Въ этомъ отношеніи читатель извлекаетъ изъ внимательнаго прочтенія 114 главъ корана окончательное впечатлѣніе, что они дали ему недостойныя и ничтожныя мысли, хотя и могли-бы быть приведены исключительныя мѣста; и не удивительно, что нѣкоторые приверженцы мохаммеданскихъ сектъ

читаютъ ихъ такимъ образомъ, что не затрудняются утверждать, будто бы „отъ вѣнца головы до груди Богъ пустой, а отъ груди внизъ—плотный, что у него черныя, кудрявые волосы, и что онъ въ каждый часъ ночи издаетъ рычаніе, на подобіе льва“. Единство приписывается Мухаммедомъ Богу въ спеціальное отличіе отъ христіанской Троицы и отъ ученія о божественномъ рожденіи. Нашъ Спаситель никогда не называется Сыномъ Божіимъ, но всегда сыномъ Маріи... Относительно человѣка Мухаммедъ много говоритъ о будущей жизни, ясно говоритъ о воскресеніи, о судномъ днѣ, о раѣ, о мученіяхъ ада, о червѣ, который никогда не умираетъ, о мукахъ, которыя никогда не оканчиваются; но при всей точности этихъ описаній будущаго, въ коранѣ очень много ошибокъ относительно прошедшаго. Если-бы скромность не мѣшала говорить здѣсь о такихъ вещахъ, можно было-бы показать, какъ онъ слабъ въ своей фізіологіи, когда онъ имѣетъ случай намекать на происхожденіе или рожденіе человѣка. Онъ едва-ли ушелъ дальше понятій Θαλεσα. Тотъ, кто оказывается такимъ несостоятельнымъ руководителемъ относительно прошедшихъ вещей, не можетъ заслуживать особеннаго довѣрія и относительно будущихъ“ (¹).

(¹) Исторія умственного развитія Европы, Джона Вильяма Дрэпера. Переводъ съ англійскаго, подъ